

**Толстой Лев Николаевич**

**Конец века: О предстоящем  
перевороте**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
Л34

Л34      **Лев Николаевич Т.**  
Конец века: О предстоящем перевороте / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требо-  
ванию, 2024. – 64 с.

**ISBN 978-5-519-77225-9**

**ISBN 978-5-519-77225-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Таковы общіе признаки наступающаго переворота или скорѣе той готовности къ перевороту, въ которой находятся христіанскіе народы. Временные же историческіе признаки или тотъ толчокъ, который долженъ начать переворотъ, это только-что окончившаяся русско-японская война и одновременно съ нею вспыхнувшее и никогда прежде не проявлявшееся революціонное движеніе среди русскаго народа.

Причину разгрома японцами русской арміи и флота видятъ въ несчастныхъ случайностяхъ, въ злоупотребленіи русскихъ правительственныхъ лицъ; причину революціоннаго движенія въ Россіи видятъ въ дурномъ правительствѣ, въ усиленной дѣятельности революціонеровъ; послѣдствіемъ же этихъ событій представляется какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ политикамъ ослабленіе Россіи и перестановка центра тяжести въ международныхъ отношеніяхъ и измѣненіе образа правленія русскаго государства. Я же думаю, что эти событія имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе. Разгромъ русской арміи и флота, разгромъ русскаго государственнаго устройства не есть только разгромъ арміи, флота и русскаго государства, а признакъ начинающагося разрушенія русскаго государства. Разрушеніе же русскаго государства есть, по моему мнѣнію, признакъ начала разрушенія всей лжехристіанской цивилизаціи. Это конецъ стараго и начало новаго вѣка.

То, что привело христіанскіе народы къ тому положенію, въ которомъ они теперь находятся, началось давно.

Началось оно съ тѣхъ поръ, какъ христіанство было признано государственной религіей.

Государство, держащееся на насиліи, требующее для своего существованія полного повиновенія своимъ законамъ преимущественно передъ закономъ религіознымъ; государство, не могущее существовать безъ казней, войскъ и войнъ; государство, приписывающее почти божеское значеніе своимъ

правителямъ; государство, возвеличивающее богатство и могущество, — такое учрежденіе принимаетъ въ лицѣ своихъ правителей и подданныхъ христіанскую религію, провозглашающую полное равенство и свободу всѣхъ людей, полагающую одинъ законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ, религію, не только отрицающую всякое насиліе, всякое возмездіе, казни и войны, но и предписывающую любовь къ врагамъ, возвеличивающую не могущество и богатство, а смиреніе и нищету, — это-то учрежденіе въ лицѣ своихъ языческихъ правителей принимаетъ эту христіанскую религію, но не въ ея истинномъ смыслѣ, а въ томъ извращенномъ видѣ, при которомъ продолжаетъ быть возможнымъ языческое устройство жизни. И правители и ихъ совѣтники, большею частью совсѣмъ не понимая сущности истиннаго христіанства, совершенно искренно возмущаются противъ людей, исповѣдующихъ и проповѣдующихъ христіанство въ его истинномъ значеніи, и съ спокойной совѣстью казнятъ, изгоняютъ ихъ и запрещаютъ имъ проповѣдывать христіанство въ его истинномъ смыслѣ. Духовенство запрещаетъ чтеніе евангелія и признаетъ только за собой право толковать священное писаніе, придумывать сложные софизмы, оправдывающіе невозможное соединеніе государства и христіанства, и устраиваетъ торжественные обряды, гипнотизирующіе народъ. И большинство людей вѣками живетъ, считая себя христіанами, не подозревая даже сотой доли значенія истиннаго христіанства. Но какъ ни великъ былъ престижъ государства, какъ ни продолжительно было торжество его, какъ ни жестоко подавлялось христіанство, — разъ высказанную истину, открывающую человѣку его душу, составляющую сущность христіанства, нельзя было заглушить. Чѣмъ дольше продолжалось такое положеніе, тѣмъ яснѣе становилось противорѣчіе между христіанскимъ ученіемъ смиренія и любви и государствомъ — учрежденіемъ гордости и насилія. Величайшая плотина въ мірѣ не можетъ задержать источника живой воды. Вода неизбѣжно найдетъ себѣ путь или черезъ плоти-

ну, или размышъ, или обойдя ее. Дѣло только во времени. Такъ это было со скрытымъ государственной властью истиннымъ христіанствомъ. Государство долго удерживало живую воду, но пришло время, и христіанство разрушаетъ задерживающую его плотину и увлекаетъ за собой ея остатки. Внѣшніе признаки того, что время это пришло именно теперь, я вижу въ легко одержанной японцами побѣдѣ надъ Россіей и въ тѣхъ волненіяхъ, которыя одновременно съ этой войной охватили всѣ сословія русскаго народа.

## II.

### **Значеніе побѣды японцевъ.**

Какъ всегда бывало и бываетъ при всѣхъ пораженіяхъ, такъ и теперь причину пораженія русскихъ стараются объяснить, ошибками побѣжденнаго: дурнымъ устройствомъ русскаго военнаго дѣла, злоупотребленіями и промахами начальниковъ и т. п.

Но главное не въ этомъ. Причина успѣховъ японцевъ не столько въ дурномъ управленіи Россіей или въ дурномъ устройствѣ русскихъ войскъ, сколько въ большемъ, положительномъ превосходствѣ японцевъ въ военномъ дѣлѣ. Японія побѣдила не потому, что русскіе слабы, а потому, что Японія теперь едва ли не самая могущественная въ мірѣ на сушѣ и на водѣ военная держава; и это такъ, во-первыхъ, потому, что всѣ тѣ научныя техническія усовершенствованія, которыя давали преимущество въ борьбѣ христіанскимъ народамъ надъ нехристіанскими, усвоены японцами, вслѣдствіе ихъ практичности и той важности, которую они приписываютъ военному дѣлу, много лучше, чѣмъ то было сдѣлано народами христіанскими; во вторыхъ, потому, что японцы по природѣ своей болѣе храбры и равнодушны къ смерти, чѣмъ теперь христіанскіе народы; въ-третьихъ, потому, что воин-

ственный патріотизмъ, совершенно несогласный съ христіанствомъ, который съ такимъ усиліемъ вводился христіанскими правительствами среди своихъ народовъ, живетъ до сихъ поръ во всей своей нетронутой силѣ среди японцевъ; въ-четвертыхъ, потому, что, рабски подчиняясь деспотической власти обожествляемаго микадо, сила японцевъ болѣе сосредоточена и объединена, чѣмъ силы народовъ, переросшихъ свое рабское подчиненіе. Однимъ словомъ, японцы имѣли и имѣютъ огромное преимущество: то, что они не христіане.

Какъ ни извращено среди христіанскихъ народовъ христіанство, оно, хотя смутно, но все же живетъ въ ихъ сознаніи, и люди-христіане, во всякомъ случаѣ лучшіе изъ нихъ, не могутъ уже отдавать всѣ свои духовныя силы на изобрѣтеніе и приготовленіе орудій убійства, не смогутъ не относиться болѣе или менѣе отрицательно къ воинственному патріотизму, не могутъ, какъ японцы, распарывать себѣ животы, только бы не отдаться въ плѣнъ врагу, не могутъ взрывать на воздухъ вмѣстѣ съ непріателемъ, какъ это было прежде, не цѣнятъ уже, какъ прежде, военныхъ доблестей, военного геройства, все менѣе и менѣе уважаютъ военное сословіе, не могутъ уже безъ сознанія оскорбленія человѣческаго достоинства рабски подчиняться власти и, главное, не могутъ уже, по крайней мѣрѣ большинство, равнодушно совершать убійства.

Всегда и въ мирныхъ дѣятельностяхъ, несогласныхъ съ духомъ христіанства, христіанскіе народы не могли бороться съ нехристіанами. Такъ это было и продолжаетъ быть въ борьбѣ денежной съ нехристіанами. Какъ бы плохо и превратно ни толковалось христіанство, христіанинъ (и чѣмъ онъ болѣе христіанинъ, тѣмъ болѣе) сознаетъ, что богатство не есть высшее благо, и потому не можетъ положить на него всѣ свои силы, какъ дѣлаетъ это тотъ, у кого нѣтъ

никакихъ идеаловъ выше богатства, или тотъ, для котораго богатство есть благословеніе Божіе. То же и въ области нехристіанской науки и искусства. И въ этихъ областяхъ позитивной, опытной науки и искусства, ставящаго себѣ цѣлью удовольствіе, первенство принадлежало и принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать наименѣе христіанскимъ людямъ и народамъ. То, что мы видимъ въ проявленіи дѣятельности мирной, то тѣмъ болѣе должно было быть въ дѣлѣ войны, прямо отрицаемой истиннымъ христіанствомъ. Вотъ это-то необходимое превосходство въ военномъ дѣлѣ нехристіанскихъ народовъ надъ христіанскими, при равныхъ средствахъ военной техники, съ полной очевидностью проявилось въ блестящей побѣдѣ японцевъ надъ русскими.

И въ этомъ неизбѣжномъ и необходимомъ превосходствѣ нехристіанскихъ народовъ надъ христіанскими и заключается огромное значеніе японской побѣды.

Значеніе побѣды японцевъ заключается въ томъ, что побѣда эта самымъ очевиднымъ образомъ показала не только побѣжденной Россіи, но и всему христіанскому міру всю ничтожность внѣшней культуры, которой такъ гордились христіанскіе народы; показала, что вся эта внѣшняя культура, которая казалась имъ какимъ-то особенно важнымъ результатомъ вѣковыхъ усилій христіанскаго человѣчества, есть нѣчто очень неважное и столь ничтожное, что никакими особенными высшими духовными свойствами не отличающійся японскій народъ, когда ему это понадобилось, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ усвоилъ себѣ всю научную мудрость христіанскихъ народовъ, съ бактеріями и взрывчатыми веществами включительно, и такъ хорошо сумѣлъ примѣнить эту мудрость къ практическимъ цѣлямъ, что сталъ въ примѣненіи этой мудрости къ военному дѣлу и въ самомъ военномъ дѣлѣ, столь высоко цѣнимомъ христіанскими народами, выше всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Христіанскіе народы вѣками подъ предлогомъ ~~самозащиты~~

щиты придумывали одинъ передъ другимъ самые дѣйствительные способы истребленія другъ друга (способы, тотчасъ же примѣняемые всѣми другими противниками) и пользовались этими способами и для угрозы другъ другу и для пріобрѣтенія всякаго рода выгодъ среди нецивилизованныхъ народовъ въ Африкѣ и Азіи. И вотъ среди нехристіанскихъ народовъ появляется народъ воинственный, ловкій и перемчивый, который увидавъ угрожающую ему вмѣстѣ съ другими нехристіанскими народами опасность, съ необыкновенной легкостью и быстротой усвоилъ все то, что давало военное преимущество христіанскимъ народамъ, и сталъ сильнѣе ихъ, понявъ ту простую истину, что если тебя бьютъ толстой, крѣпкой дубиной, то надо взять точно такую же или еще болѣе толстую и крѣпкую дубину и бить ею того, кто тебя бьетъ. Японцы очень скоро и легко усвоили эту мудрость и вмѣстѣ съ тѣмъ и всю эту технику войны и, пользуясь сверхъ того всѣми выгодами религіознаго деспотизма и патріотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнѣе самой могущественной военной державы. Побѣда японцевъ надъ русскими показала всѣмъ военнымъ державамъ, что военная власть больше не въ ихъ рукахъ, а перешла или вскорѣ должна перейти въ другія нехристіанскія руки, такъ какъ всѣмъ нехристіанскимъ, угнетаемымъ христіанами, народамъ въ Азіи и Африкѣ совсѣмъ не трудно, по примѣру Японіи, усвоивъ себѣ военную технику, которой мы такъ гордимся, не только освободиться, но и стереть съ лица земли всѣ христіанскія государства.

Такъ что христіанскія правительства исходомъ этой войны самымъ очевиднымъ образомъ приведены къ необходимости еще усиливать и такъ задавившія своими расходами ихъ народы военныя приготовленія и, удвоивъ эти вооруженія, все-таки сознать, что со временемъ придавленные ими языческіе народы, такъ же какъ и японцы, обучившись военному искусству, свергнутъ ихъ иго и отомстятъ имъ. Уже не по разсужденіямъ, а на горькомъ опытѣ подтвердилась этой

войной не только для русскихъ, но и для всѣхъ христіанскихъ народовъ та простая истина, что насиліе ни къ чему, кромѣ какъ къ увеличенію бѣдствій и страданій, привести не можетъ.

Побѣда эта показала, что, занимаясь увеличеніемъ своей военной силы, христіанскіе народы дѣлали не только дурное, безнравственное дѣло, но дѣло, противное тому христіанскому духу, который живетъ въ нихъ, такое дѣло, въ которомъ они, какъ христіанскіе народы, должны всегда быть превзойдены и побѣждены нехристіанскими народами. Побѣда эта показала христіанскимъ народамъ, что все то, на что ихъ правительства направляли свою дѣятельность, было губительно для нихъ и напраснымъ истощеніемъ ихъ силъ и, главное, приготовленіемъ для себя болѣе могущественныхъ враговъ среди нехристіанскихъ народовъ. Война эта самымъ очевиднымъ образомъ показала, что сила христіанскихъ народовъ никакъ не можетъ быть въ противномъ духу христіанства военномъ могуществѣ и что если христіанскіе народы хотятъ оставаться христіанскими, то усилія ихъ должны быть направлены никакъ не на военное могущество, а на нѣчто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая изъ христіанскаго ученія, давало бы наибольшее благо людямъ не посредствомъ грубаго насилія, а посредствомъ разумнаго согласія и любви.

Въ этомъ великое для христіанскаго міра значеніе побѣды японцевъ.

### III.

## **Сущность революціоннаго движенія въ Россіи.**

Японская побѣда показала всему христіанскому міру не-  
вѣрность того пути, по которому шли и идутъ христіанскіе народы. Русскимъ же людямъ война эта со своими ужасны-

ми, бессмысленными страданіями и тратами трудовъ и живней показала, кромѣ общаго для всѣхъ христіанскихъ народовъ противорѣчія между христіанскимъ и насильническимъ государственнымъ устройствомъ, ту страшную опасность, въ которой они постоянно находятся, повинувась своему правительству.

Безъ всякой надобности, для какихъ-то темныхъ, личныхъ цѣлей, для какихъ-то ничтожныхъ лицъ, находящихся во главѣ управленія, русское правительство ввергло свой народъ въ бессмысленную войну, которая ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть никакихъ, кромѣ вредныхъ для русскаго народа, послѣдствій. Потеряны сотни тысячъ жизней, потеряны произведенія трудовъ народа, потеряна для тѣхъ, которые гордились ею—слава Россіи. И хуже всего то, что виновники всѣхъ этихъ злодѣяній не только не чувствуютъ своей вины, но упрекаютъ другихъ во всемъ случившемся и, оставаясь въ томъ же положеніи, завтра могутъ ввергнуть русскій народъ въ еще худшія бѣдствія.

Всякая революція начинается тогда, когда общество выросло изъ того міровоззрѣнія, на которомъ основывались существующія формы общественной жизни, когда противорѣчіе между жизнью, какая она есть, и той, какая она должна и можетъ быть, становится настолько яснымъ для большинства людей, что они чувствуютъ невозможность продолженія жизни въ прежнихъ условіяхъ. Начинается же революція въ томъ народѣ, въ которомъ наибольшее число людей сознаютъ это противорѣчіе. Что же касается до средствъ, употребляемыхъ революціей, то средства эти зависятъ отъ той цѣли, къ которой стремится революція.

Въ 1793 году сознаніе противорѣчія между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворянъ, чиновниковъ чувствовалось не только страдающими отъ своего угнетенія народами, но и лучшими людьми властвующихъ сословій во всемъ христіанскомъ мірѣ. Но нигдѣ эти сословія не были такъ чутки къ этому неравенству и нигдѣ со-

знаніе народа не было такъ мало забито рабствомъ, какъ во Франціи, и потому революція 1793 года началась именно во Франціи. Ближайшимъ же средствомъ осуществленія равенства естественно представлялось отнятіе силою того, что имѣли властвующіе, и потому дѣятели той революціи осуществляли свои цѣли насиліемъ.

Въ нынѣшнемъ 1905 году противорѣчіе между сознаніемъ возможности и законности свободной жизни и неразумностью и бѣдственностью повинновенія насильническимъ властямъ, произвольно отбирающимъ отъ людей произведенія ихъ трудовъ для немогущихъ имѣть конца вооруженій,—властямъ, всякую минуту могущимъ заставить народы участвовать въ бессмысленныхъ и жестокихъ смертоубійствахъ,—чувствуется не только страдающими отъ этого насилія народами, но и лучшими людьми властвующихъ сословій. Нигдѣ же противорѣчіе это не чувствуется такъ рѣзко, какъ въ русскомъ народѣ. Чувствуется это противорѣчіе особенно рѣзко въ русскомъ народѣ и вслѣдствіе нелѣпой и постыдной войны, въ которую русскій народъ вовлеченъ правительствомъ, и вслѣдствіе удержавшагося еще среди русскаго народа земледѣльческаго быта и, главное, вслѣдствіе особенно живого, христіанскаго сознанія этого народа. Поэтому я и думаю, что революція 1905 года, имѣющая цѣлью освобожденіе людей отъ насилія, должна начаться и начинается уже теперь именно въ Россіи. Средства же осуществленія цѣли революціи, состоящей въ освобожденіи людей, очевидно, должны быть иныя, чѣмъ то насиліе, которымъ до сихъ поръ люди пытались осуществить равенство. Людямъ великой революціи, желавшимъ достигнуть равенства, можно было заблуждаться, когда они думали, что равенство достигается насиліемъ, хотя и казалось бы очевиднымъ, что равенство не можетъ быть достигнуто насиліемъ, такъ какъ насиліе есть само по себѣ самое рѣзкое проявленіе неравенства. Свобода же, составляющая главную цѣль теперешней революціи, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достигнута насиліемъ. А между тѣмъ теперь люди,

производящіе революцію въ Россіи, думаютъ, что, продѣлавъ все то, что происходило въ европейскихъ революціяхъ, съ торжественными похоронными шествіями, разрушеніемъ тюремъ, блестящими рѣчами «*allez dire à votre maître*», учредительнымъ собраніемъ и т. п., они, свергнувъ существующее правительство и учредивъ новое—конституціонную монархію или даже соціалистическую республику, они достигнутъ той цѣли совершающейся революціей.

Но исторія не повторяется. Насильническая революція отжила свое время. Все, что она могла дать людямъ, она уже дала имъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ показала, чего она не можетъ достигнуть. Начинаясь теперь революція въ Россіи среди совсѣмъ особеннаго по своему складу стомилліоннаго народа и не въ 1793 году, а въ 1905 никакъ не можетъ имѣть тѣхъ цѣлей и осуществиться тѣми же средствами, какъ революціи, бывшія 60, 80, 100 лѣтъ тому назадъ среди совершенно иного духовнаго склада германскихъ и романскихъ народовъ.

Русскому земледѣльческому стомилліонному народу, въ которомъ, собственно, и заключается весь народъ, нужна не дума и не дарованіе какихъ-то свободъ,—перечисленіе которыхъ очевидно все показываетъ отсутствіе простой, истинной свободы,—не замѣна одной насильнической власти другою, а настоящая, полная свобода отъ всякой насильнической власти.

Значеніе начинающейся въ Россіи и предстоящей всему міру революціи не въ установленіи подоходныхъ или иныхъ налоговъ, не въ отдѣленіи церкви отъ государства или пріобрѣтеніи государствомъ общественныхъ учрежденій, не въ организаціи выборовъ и мнимаго участія народа во власти, не въ учрежденіи республики самой демократической, даже соціалистической, съ всеобщей подачей голосовъ, а въ *дѣйствительной свободѣ*.

Не мнимая, а дѣйствительная свобода достигается не баррикадами, не убійствами, не какимъ бы то ни было новымъ вво-